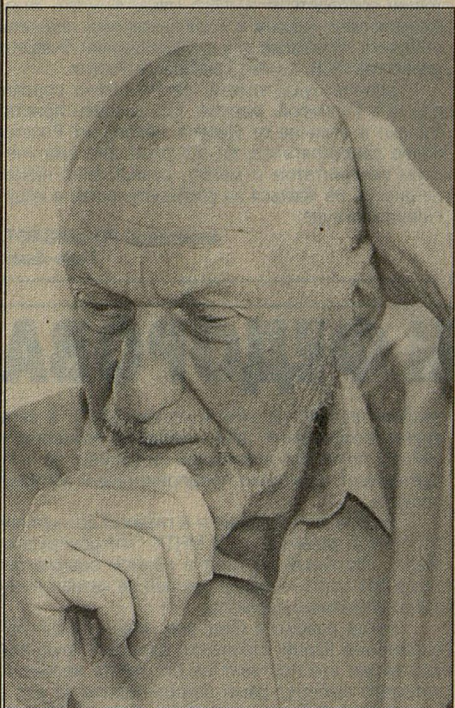

КТО В ГОЛЛИВУДЕ НЕ РИСКУЕТ, ТОТ...

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

Неизвестно, чья душа загадочней — русская или американская. Вот, например, Ирвин Кершнер — знаменитый голливудский режиссер. Только что живенько отработал в жюри Московского кинофестиваля, отсматривая по два фильма в день и не делая никаких скидок на свои 77 лет. За свою жизнь объездил немеренное количество стран. Давно уже мог почитать на лаврах и отдыхать где-нибудь на вилле на берегу океана. Так ведь нет же! Мы его поймали, когда он буквально стоял одной ногой в самолете. Ну что о нем сказать? Он по-прежнему выглядит молодцом, бодр, высок, по-спортивному подтянут и очень разговорчив.

— Ирвин, зачем вы носите с собой оранжевый мешочек? Что в нем?

— Увеличительные кольца для фотоаппарата, объективы и другие принадлежности для съемки. Я люблю этим заниматься, и у меня дома очень много фотоаппаратов.

— А вы хорошо разбираетесь в компьютерной графике и спецэффектах?

— Когда я только начинал снимать, я ничего не знал. На то, чтобы все понять и во всем разобраться, ушло полтора года. В процессе работы над сюжетом фильма надо создать разные картинки для него, и как раз в это время начинаешь все понимать. После нескольких недель съемок можно уже во всем абсолютно спокойно разбираться. Ты просто учишься.

— Как в Голливуде придумывают сюжеты для фильмов?

— Предварительно я три месяца работаю с автором сценария, меняя его и преобразая в ту форму, в которой я хочу его увидеть. Потом я обычно еду в Лондон на год, рисуя там картины каждой сцены. Картинка вытекает из последующей. И когда через год я закончил предварительную работу в Лондоне над "Звездными войнами", как раз уже была готова вся эта история. И все макеты строились по этим эскизам.

— Вы долго снимали "Звездные войны"?

— Двадцать шесть недель, то есть шесть месяцев. Для Голливуда это очень долго.

— Что было самым тяжелым в процессе съемок?

— Наверное, как бы очеловечивание этих персонажей. Потому что я не считаю этот фильм научной фантастикой, как многие говорят. Это

сказка, и между этими понятиями есть большая разница. Я хотел создать такие персонажи, чтобы они понравились зрителям, и они переживали бы за них во время просмотров. Первый фильм больше был похож на комикс, и я хотел изменить этот подход к "Звездным войнам" и создать больше персонажей, к которым можно было бы испытывать чувства.

— Вы любите наблюдать за реакцией зрителей на ваши фильмы?

— Нет, это очень тяжело, потому что ты всегда хочешь, чтобы публика реагировала так, как ты задумал, и они всегда тебя удивляют своей реакцией. Когда ты думаешь, что сцена должна быть смешной, они не смеются, а там, где ты думал, что будет только маленькая искринка, одна смешинка, они смеются очень сильно. Поэтому зрителей можно контролировать только до определенного этапа. После — это толпа, которую уже контролировать невозможно.

— На съемках вы допускаете рискованные ситуации или вы осторожный режиссер?

— Я осторожный человек, который знает: чтобы сделать хороший фильм, надо рисковать.

— А случались ситуации, когда вашей жизни угрожала опасность?

— Да, когда я снимал документальные фильмы. Я был в самом центре Ирана, в таких местах, в которые нельзя заходить. Я летал на маленьком самолете, на котором нельзя даже через горы перелететь, и сам им управлял. Мы со съемочной группой терялись в горах и не знали, где находимся. Так что самое рискованное дело — это снимать документальные фильмы, а когда мы снимаем художественные, мы окружены людьми, и тогда уже не страшно.

— У вас дома есть кассеты с вашими фильмами?

— Есть только некоторые, и я их никогда не пересматриваю, потому что это больно. При таких просмотрах ты всегда видишь только свои ошибки, которые ты допустил при съемках. Во всяком случае, я вижу все свои ошибки, хотя остальные люди их и не видят. Я иногда думаю: "Зачем я это снял?" Поэтому я никогда не смотрю свои фильмы.

— Ирвин, а вы когда-нибудь брали для съемок людей с улицы? Например, вдруг встретили красивую девушку...

— Нет, никогда. Быть актером — это искусство, и люди не должны думать, что если вот у него это естественно получается, то он актер. Единственное, что можно сделать, это взять людей с улицы, дать им выучить какие-то слова, послушать их, поставить перед камерой и понять, что это ужасно и отвратительно. Всегда надо искать тех, кто что-то умеет, кто может быть актером, у кого есть какая-то актерская техника и мастерство. И только они могут сделать свою игру такой, чтобы зрители не подумали, что они играют.

— Вы смотрели какие-нибудь русские фильмы?

— Да, и много. Я очень люблю "Александра Невского", "Летят журавли", "Обломов" и еще картину Михалкова — не помню, как она называется, там была история про блондинку. Еще пару лет назад я видел один фильм, в котором русские сделали волшебный переход в Париж. А-а, он называется "Окно в Париж" — это очень хороший фильм.

— Как вы думаете, чего не хватает русским фильмам, чтобы их с интересом смотрели в Америке?

— Знаете, американцы вообще не любят зарубежные картины — им это совершенно не интересно. Они не любят картины с субтитрами и дублированные картины. Это проблема не только русских фильмов — они так же не смотрят французские картины и другие. Также отсутствует заинтересованность молодежи, которая ходит в кино в какой-то стране — России, Италии, например. И на самом деле это большая проблема...

Мария КОСТЮКЕВИЧ.